

СТАЛИН В ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

Борис Ихлов

Превентивное нападение

Версию о якобы готовящемся – в рамках развертывания мировой революции – нападении СССР на Германию воскресил В. Резун (Суворов). Марк Солонин утверждает, что существовало не менее 13 планов нападения СССР на Германию, а в мае-июне 1941 г. началось «скрытое стратегическое развертывание» советских войск («Гитлер просто опередил Сталина». Радио Свобода, 22.06.2019).

Однако даже официальные историки опровергают версию о превентивном со стороны Гитлера нападении на СССР. «Это самая злостная фальсификация о войне. Даже из немецких документов следует, что приближённые Гитлера докладывали ему: СССР по-прежнему соблюдает все условия пакта о ненападении, и ожидать агрессии в ближайшие месяцы не стоит», - отмечает руководитель Центра военной истории России Института российской истории РАН Георгий Куманёв (АиФ, 22.06.2014).

Очевидно, что СССР не собирался первым напасть на Германию, он был просто к этому не готов. И не только экономически. Граница, передвинутая в 1939-м, еще не была оборудована. Буденный в своем «Военном дневнике» за несколько часов до войны записал: «Нарком обороны делает оборонительную линию по всей новой границе после 1939 года и вывоз все вооружение из бывших укрепленных районов и свалил его кучами по границе»... Сразу после войны Буденный отметил: «... оружие сваленное... попало к немцам, а бывшие укрепленные районы остались безоружными». Больше того, после подписания Пакта Риббентропа-Молотова большинство тайников с оружием и боеприпасами в приграничных районах на случай нападения Германии было ликвидировано. Течение года через карательные застенки НКВД прошли все, кто обучался в специальных партизанских школах, а затем расстреляны.

Во-вторых, ВПКб надолго забыла о мировой революции.

«...Борьба за победу социалистических элементов в нашей стране над элементами капиталистическими, наша строительная борьба является тоже международной, интернациональной по своему значению, ибо наша страна есть база международной революции, ибо наша страна есть основной рычаг для развертывания международного революционного движения...» - говорил Сталин на 6-м съезде РСДРПб в 1918 году.

И осенью 1926 г.: «Победа социализма в одной стране является не самоцелью, а средством для развития и поддержки революции в других странах» (Сталин И. В. Вопросы и ответы. Сочинения. Т. 7. М. 1947. С. 168).

И зимой 1926 г. - слова о мировой революции по-прежнему произносились.

Сталин в выступлении на VII расширенном пленуме ИККИ: «...Строить социализм в СССР – это значит делать общее дело пролетариев всех стран, это значит ковать победу над капиталом не только в СССР, но и во всех капиталистических странах, ибо революция в СССР есть часть мировой революции, ее начало и база ее развертывания».

Но в 20-е Сталин еще не сверг Троцкого, группу Бухарина-Рыкова.

Московские процессы 1935-1936 г. Сталин сделал открытыми для всего мира, чтобы мир убедился: карают тех, кто экспроприировал буржуазию. Мировая буржуазия может быть сокоина.

Сталин даже солгал журналисту Говарду в 1936 году, что мировая революция никогда не была целью большевиков. В разговоре Сталин подменил тему «мировая революция как необходимое условие победы социализма» темой «экспорт революции», больше того, объявил, что революции якобы могут проходить по отдельности в каждой стране.

Именно в этой связи Сталин и распустил Коминтерн в 1943 году, заменив ничего не значащим Коминформом, который тоже вскоре почил в бозе.

Растяпы

Нелепа также и версия, что Сталин ждал, пока Гитлер нападет первым, чтобы повернуть против него мировое общественное мнение. Поскольку мировое общественное мнение никак не прореагировало ни на аншлюс Австрии, ни на захват Чехословакии, оно всегда было направлено исключительно против СССР.

Есть версия, что Сталин не хотел давать повода Гитлеру. Тоже нелепость, потому что аврал был все же объявлен, объявлен до начала войны, причем почему-то именно перед самым началом. Почему? Откуда, какие такие сведения получил Сталин, если объявил аврал?

Маршал Жуков пишет в мемуарах: «Сейчас бытуют разные версии по поводу того, знали мы или нет конкретную дату начала и план войны. Генеральному штабу о дне нападения немецких войск стало известно от перебежчика

лишь 21 июня, о чем нами тотчас же было доложено И. В. Сталину. Он тут же дал согласие на приведение войск в боевую готовность. Видимо, он и ранее получал такие важные сведения по другим каналам...» (Воспоминания и размышления. М.: Олма-Пресс, 2002. Т. 1. С. 254.)

Если Сталин и ранее получал такие важные сведения по другим каналам, а мы знаем точно, что получал, в т.ч. от Рихарда Зорге – почему отреагировал только 21 июня?

Есть версия, что Сталина предупредил Молотов, получивший данные по дипломатическим каналам. Но нет документальных подтверждений версии. К тому же, как увидим, Тимошенко знал о возможном нападении именно 22 июня до того, как встретились Сталин и Молотов.

То есть - это весьма любопытный момент.

На многочисленные сообщения разведки Сталин никак не реагировал. Вот объяснения его поведения:

- Лондон запускает дезинформацию, чтобы стравить СССР и Германию.
- Разведчики ошибаются, их вводят в заблуждение, подсовывают дезинформацию.
- Разведчики уже объявляли день войны, а войны не случилось.

Но это бесконечно глупые объяснения.

Во-первых, разведанные включают в себя информацию о сосредоточении войск, о ситуации в промышленности, о настроениях и разговорах в войсках противника. Наконец, было известно, что посол Шуленбург пакует чемоданы, снял картины со стен и – скрывает намерение покинуть Москву.

Во-вторых, Сталин не мог не знать, что Гитлер 27 раз давал приказ о наступлении на Западном фронте и 26 раз его отменял.

В-третьих, Сталин прекрасно понимал, что Гитлер рано или поздно объявит войну СССР. Именно поэтому шли бои на Карельском перешейке, чтобы отодвинуть границу от Ленинграда.

В то же время в 1938 г. были ликвидированы почти все нелегальные резидентуры. Начальник Иностранного отдела НКВД Фитин с горечью констатировал в своем отчете, что разведка НКВД просто слепа и глохла без информации из-за кордона при молчавших агентах и их перебитых в советских тюрьмах кураторах из оперативников ИНО. Отзывали в Москву и расстреливали после приезда не только известных резидентов, но и сотрудников их резидентур, и законспирированных нелегалов, и агентов из числа коминтерновцев. Напр., в берлинской резидентуре ИНО из 16 разведчиков после зачистки находилось в строю лишь 2 человека. Неужели это и есть подготовка к нападению на Германию? И к войне вообще? Не говоря уже о ликвидации командного состава РККА.

Маршал Советского Союза А. И. Ерёменко: «Товарищ Сталин значительно повинен в истреблении военных кадров перед войной, что отразилось на боеспособности армии».

Генерал армии А. В. Горбатов: «Считалось, что противник продвигается столь быстро из-за внезапности его нападения и потому, что Германия поставила себе на службу промышленность чуть ли не всей Европы. Конечно, это было так. Но меня до пота прошибли мои прежние опасения: как же мы будем воевать, лишившись стольких опытных командиров ещё до войны? Это, несомненно, была, по меньшей мере, одна из главных причин наших неудач, хотя о ней не говорили или представляли дело так, будто 1937—1938 годы, очистив армию от «изменников», увеличили её мощь».

Маршал Советского Союза А. М. Василевский: «Без тридцать седьмого года, возможно, не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решил начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошёл».

Маршал Конев, дважды Герой Советского Союза: "Не подлежит сомнению, что если бы тридцать седьмого-тридцать восьмого годов не было, и не только в армии, но и в партии, в стране, то мы к сорок первому году были бы несравненно сильнее, чем были". К.Симонов «Беседы с Маршалом Советского Союза И.С.Коневым»)

Иван Старинов, главный диверсант РККА, объявленный личным врагом Гитлера: «Репрессиями 1937-38 годов стране был нанесен сокрушительный удар, отразившийся на ходе войны... Репрессии привели к тому, что в Красной Армии многими подразделениями, частями и тем более соединениями и объединениями командовали, мягко говоря, неподготовленные люди» («Записки диверсанта»).

Во время обсуждения планируемого нападения на СССР часть генералов пытались убедить фюрера, что ввязываться в войну с русскими преждевременно. Ответ Гитлера был следующий: «80% командных кадров Красной армии уничтожены. Красная армия обезглавлена, ослаблена как никогда, это главный фактор моего решения. Нужно воевать, пока кадры не выросли вновь».

По словам Кейтеля, Гитлер «постоянно исходил из того, что... Сталин уничтожил в 1937 г. весь первый эшелон высших военачальников, а способных умов среди пришедших на их место пока нет».

Будущий фельдмаршал Ф. фон Бок: «С русской армией можно не считаться как с военной силой, ибо кровавые репрессии подорвали ее дух, превратили в инертную машину».

К аналогичным выводам пришёл начальник германского генштаба Гальдер, который, заслушав в мае 1941 года доклад военного атташе в СССР Кребса, записал в своём дневнике: «Русский офицерский корпус исключительно плох. Он производит жалкое впечатление. Гораздо хуже, чем в 1933 году. России потребуется 20 лет, чтобы офицерский корпус достиг прежнего уровня».

14.6.1941 советские газеты опубликовали заявление ТАСС, в котором опровергались слухи о «близости войны между СССР и Германией», – опровергались предположение о территориальных и экономических претензиях, якобы предъявляемых Германией к Советскому Союзу, и утверждения о концентрации советских и германских войск на границе.

Германия могла выступить с заверениями о мире, но Берлин промолчал, т.е. уже 14-15 июня всем стало ясно, что близится агрессия.

Да, действительно, Геббельс писал в своем дневнике 25.5.1941: «Что касается России, то нам удалось организовать грандиозный поток ложных сообщений. Газетные утки не дают за границей возможности разобраться, где правда, а где ложь. Это та атмосфера, которая нам нужна».

Однако на то и дана голова человеку, чтобы уметь отличать дезинформацию от информации. Представьте: дело подаёт так, что разведчики, самые информированные, оказались не в курсе организации «грандиозного потока ложных сообщений». И сам Сталин почему-то не рассмотрел возможность такой организации со стороны Германии!

Теперь сообразите, что означает, что верховный главнокомандующий при всем этом не желает анализировать события и полученные разведанные в комплексе, плюет на разведку. Это означает, что он профан.

Хуже: репрессии против командного состава РККА сделали своё дело.

В апреле Сталин объединил 4 разведывательных органа в один под командованием генерал-лейтенанта Голикова. Все разведанные поступали теперь к Сталину через созданную аналитическую группу, в обобщённом и осмысленном виде. Но Голиков знал, что Сталин не хотел войны, не верил в то, что Гитлер решится напасть на СССР в силу ряда, как казалось вождю, объективных обстоятельств. И Голиков стал подыгрывать Сталину.

Но и это не всё. Дело ещё и в характере Сталина. Разведчики – военные специалисты, а Сталин не любил военспецов ещё с Гражданской.

Из личного письма Гитлера Сталину 14.5.1941:

«При формировании войск вторжения вдали от глаз и авиации противника, а также в связи с недавними операциями на Балканах вдоль границы с СССР скопилось большое количество моих войск, около 80 дивизий, что, возможно, и породило циркулирующие ныне слухи о вероятном военном конфликте между нами. Уверю Вас честью главы государства, что это не так. Со своей стороны я тоже с пониманием отношусь к тому, что Вы не можете полностью игнорировать эти слухи и также сосредоточили на границе достаточное количество своих войск. Таким образом, без нашего желания, а исключительно в силу сложившихся обстоятельств, на наших границах противостоят друг другу весьма крупные группировки войск. Они противостоят в обстановке усиливающейся напряженности слухов и домыслов, нагнетаемых английскими источниками. В подобной обстановке я совсем не исключаю возможность случайного возникновения вооруженного конфликта, который в условиях такой концентрации войск может принять очень крупные размеры, когда трудно или просто невозможно будет определить, что явилось его первопричиной. Не менее сложно будет этот конфликт и остановить. Я хочу быть с Вами предельно откровенным. Я опасаюсь, что кто-нибудь из моих генералов сознательно пойдет на подобный конфликт, чтобы спасти Англию от ее судьбы и сорвать мои планы. Речь идет всего об одном месяце. Примерно 15–20 июня я планирую начать массированную переброску войск на запад с Вашей границы. При этом убедительнейшим образом прошу Вас **не поддаваться ни на какие провокации**, которые могут иметь место со стороны моих забывших долг генералов. И, само собой разумеется, постараться не дать им никакого повода. Если же провокации со стороны какого-нибудь из моих генералов не удастся избежать, прошу Вас, проявите выдержку, не предпринимайте ответных действий и немедленно сообщите о случившемся мне по известному Вам каналу связи...».

Сталин так верил Гитлеру! Когда от старшего лейтенанта люфтваффе Харро Шульце-Бойзена (агентурный псевдоним «Старшина») 17 июня пришло очередное сообщение: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время», - Сталин отписал наркому госбезопасности Меркулову: «Можете послать ваш источник из штаба германской авиации к ... матери! Это не источник, а дезинформатор!»

Но... разве есть сведения, что Сталин 21 июня или ранее, при провокациях, обращался к Гитлеру «по известному каналу связи»? И что это за известный канал связи, о котором до сих пор не пишет ни один историк?

Доносам, самооговорам доверял, уничтожил по доносам массу невиновных – но разведчикам не доверял, так, что ли? Сталин поверил – немцу. Вечером 21 июня немецкий фельдфебель-перебежчик сообщил, что 22 июня утром германские войска начнут наступление.

Всё стало ясно, когда начальник штаба Прибалтийского особого военного округа генерал П.С. Кленов в 22 часа 21 июня сообщил, что немцы закончили строительство мостов через Неман, а гражданскому населению приказали эвакуироваться не менее чем на 20 км от границы, «идут разговоры, что войска получили приказ занять исходное положение для наступления». Начальник штаба Западного особого военного округа генерал-майор В. Е. Климовских доложил, что проволочные заграждения немцев, еще днем стоявшие вдоль границы, к вечеру сняты, а в лесу, расположенном недалеко от границы, слышен шум моторов.

Молотов не придумал ничего лучшего, как совершенно бессмысленно отправиться к послу Германии в Москве Шуленбургу и пожаловаться.

Что же происходило?

Накануне отъезда из Москвы К. А. Мерецков встретился с министром обороны С. К. Тимошенко: «Меня вызвал к себе мой непосредственный начальник, нарком обороны, находившийся последние дни в особенно напряженном состоянии. И хотя мне понятна была причина его нервного состояния, хотя я своими глазами видел, что делается на западной границе, слова наркома непривычно резко и тревожно вошли в мое сознание. Тимошенко сказал тогда:

- Возможно, завтра начнется война! Вам надо быть в качестве представителя Главного командования в Ленинградском военном округе. Его войска вы хорошо знаете и сможете при необходимости помочь руководству округа. Главное - опять же, не поддаваться на провокации.

- Каковы мои полномочия в случае вооруженного нападения? - спросил я.

- Выдержка прежде всего. Суметь отличить реальное нападение от местных инцидентов и не дать им перерасти в войну. Но будьте в боевой готовности. В случае нападения сами знаете, что делать».

Вечером 21 июня нарком Военно-морского флота адмирал Кузнецов без какого-либо указания сверху отдал приказ трем флотам и двум флотилиям: «Оперативная готовность номер один, немедленно!» Оперативная готовность №1 объявляется после оперативной готовности №2. Которая и была объявлена 19.6.1941.

Директива № 1 - составлена после трехчасового обсуждения с военными в сталинском кабинете 21 июня 1941 года. Она предупреждала войска о том, что в течение 22–23 июня не исключено нападение немцев. Возможно, оно произойдет с провокационных действий. Поэтому, находясь в полной боевой готовности, следует не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Передача в приграничные округа началась в зашифрованном виде после 11 часов вечера и закончилась, по словам Жукова, в 00.30 22 июня. В штабы армий, корпусов и дивизий она поступила к двум часам ночи и гораздо позже. Успеть что-либо реальное сделать за пару часов никто не сумел.

Директива № 2 появилась утром 22 июня, после того как Сталин познакомился с нотой Гитлера. Все же военные его убедили, что речь идет не об отдельных «провокациях», а о самой настоящей войне.

В директиве приказано: «Мощным ударом бомбардировщиков и истребительской авиации, уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск...» Директива требовала разбомбить порты Мемель и Кенигсберг... И вновь в сталинской редакции: «...Впредь до особого распоряжения наземным войскам границу не переходить».

Директива подписана Тимошенко, Жуковым и Маленковым, отправлена из Москвы в 7 ч. 15 минут утра. На фронт поступила между 9 и 10 часами утра.

В этот же день была выпущена Директива №3. В ней впервые появились требования «войскам перейти в контрнаступление для разгрома противника и выхода на его территорию, где к исходу 24 июня уничтожить главные вражеские группировки». Сталин разрешил войскам «вести действия, не стесняясь границ».

То есть, ни Сталин, ни ПБ, не знали действительной фронтовой обстановки, не понимали, что там происходит, а значит, не было никакого управления войсками.

Результатом бессмысленных директив стала паника на всей границе.

В ряду способов обелить Сталина – версия, что Сталин якобы вовремя отдал приказ привести войска в боевую готовность, однако либо генералы его не выполнили, либо приказ не дошел (А. Исаев). Больше того: якобы все генералы предали Сталина (Ю. Мухин).

С одной стороны, холуйство генералов – дело рук самого Сталина, попробовали бы генералы после чисток верхушки РККА не быть холуями, не подыгрывать Сталину. С другой стороны – Сталин не репрессировал именно холуев.

В т же время - почему же тогда гарнизон Бреста начал оборону, почему отреагировал флот Кузнецова и даже некоторое время наступал?

Начштаба Черноморского флота контр-адмирал И. Д. Елисеев аналогично проигнорировал директиву Сталина «на провокации не поддаваться» и 22 июня в 3 часа 06 мин. приказал открыть огонь по фашистским самолётам, которые вторглись далеко в воздушное пространство СССР, это был самый первый боевой в ВОВ приказ дать отпор.

«За четыре часа до начала войны (когда была послана Директива №1, Б. И.), - говорится в рассказе о генерале Микушеве, - можно было бы вызвать на аэродромы значительную часть летного состава и поднять самолеты в воздух до того, как они были сожжены на земле. О значении этих четырех часов красноречиво свидетельствуют некоторые эпизоды первых столкновений с противником тех частей, где люди были подняты по тревоге за три-четыре часа до этого, а то и менее. Пример — незабываемый подвиг располагавшейся в районе Рава-Русская и прикрывавшей Львов 41-й стрелковой дивизии. Бывший начальник штаба этой дивизии Н. Еремин в своих воспоминаниях рассказывает, что с весны 1941 года, как только началась боевая подготовка, дивизия была расплелена и не представляла боеспособного соединения. Оба артиллерийских полка, противотанковый и зенитный дивизионы, другие спецподразделения находились на учебных полигонах и сборах вне границ дивизии. Ввиду того, что немецкая авиация с каждым днем нагнала, летая на малых высотах над советской территорией, а разведка доносила, что гитлеровцы наращивают силы непосредственно у границы, командир 41-й стрелковой дивизии генерал-майор Н. Г. Микушев принял 19 июня самостоятельное решение — вернуть весь личный состав со специальных сборов и полигонов, а также с работ на оборонительных рубежах и всем частям и подразделениям полностью сосредоточиться в дивизионном лагере. — А как же корпус и армия? Это с их ведома? - спросил начальник штаба дивизии. - Об этом не будем говорить. Вы сами понимаете, каково наше положение, - уклонился от прямого ответа генерал».

Черчилль охарактеризовал «мудрейшего и гениальнейшего» в этой ситуации так: «Сталин и его комиссары показали себя в тот момент Второй мировой войны полностью растапами».

Остался в Москве

Адвокатами Сталина создан миф, что Сталин повернул ход истории, мужественно оставшись в Москве. Действительно: Москва уже была подготовлена к сдаче, здания, транспортные пути – заминированы. Микоян, который «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича», перестроился после XX съезда и в мемуарах подчеркивает трусость Сталина – тот никогда не был на фронте, лишь один раз попытался, но не доехал и, боясь попасть на мину, справил нужду прямо перед генералами.

Но ведь и Гитлер с Рузвельтом не ездили по фронтам, «на лихом коне».

Если Сталин испугался, то, скорее всего, не вермахта, а своего окружения. Почему?

В октябре 1941 вышло Постановление «Об эвакуации столицы СССР», предусматривавшего отъезд из Москвы правительства во главе с И. В. Сталиным в Куйбышев, где к приему правительства уже было всё подготовлено. В Москве поднялась паника, которая длилась с 15 по 17 октября. В этой обстановке Сталин легко мог лишиться власти.

Что же делал вожьд в самый первый день войны?

Сталинисты утверждают, что он работал, вел прием военачальников, партийного руководства. Действительно, до 28 июня включительно заседания в кабинете Сталина проходили ежедневно.

Но до 28 июня картина на фронтах не была понятна. Что же случилось, когда эта картина стала ясна, когда стало известно, что части 20-й танковой дивизии группы Гота, сломив сопротивление 2-го стрелкового корпуса генерала А.Н. Ермакова, ворвались в Минск с севера?

Разумеется, противники не то, что Сталина, но противники СССР - пишут, что после известия о вторжении немцев «Сталин впал в прострацию» - не мог поверить, что Гитлер нарушил Пакт о ненападении.

Сталинисты - наоборот:

«В годы правления Хрущева в общий обиход была запущена «черная легенда» о том, что деморализованный германским нападением Сталин сбежал на дачу чуть ли не сразу после объявления войны и сидя там, отключившись от внешнего мира, испуганно ожидал ареста со стороны своих соратников по партии. Речь, в частности, идет о «Журнале посещений Сталина», в котором методично отмечались все люди, принятые вождем в его кремлёвском кабинете. Даже беглое ознакомление с этим списком показывает, что в первые дни войны Сталину было не до депрессии и дачного «отдыха». Согласно "Журналу", с 22 июня Сталин в очень напряженном режиме принимает у себя военных, членов Политбюро, наркомов. Прием начинается в 5.45 утра. Первыми на приеме у Сталина – Молотов, Берия, Тимошенко, Жуков и Мехлис. Прием в этот день продолжается до 16.45. И так – каждый день: 8-12 часов приема посетителей ежедневно. Единственные июньские дни, о которых нет точных сведений – это 29 и 30 июня. 29 июня наши войска оставили Минск и, по мнению некоторых историков, «исчезновение» Сталина в этот и следующий дни связано с его реакцией на потерю столицы Советской Белоруссии. Но, вполне вероятно, в этот день Сталин проводил встречи в каком-то другом месте. Маршал Жуков, в частности, вспоминает, что 29 июня Сталин приезжал в Генштаб и Наркомат обороны, где лично ознакомился с

обстановкой, сложившейся на фронтах. Как бы то ни было, но днем 1 июля он вновь был на своем привычном рабочем месте – в Кремле, которое за всю войну он покидал всего на несколько дней... Действия Сталина в июне 1941 г. – яркий пример выдержанного, мудрого и стратегически мыслящего руководителя».

https://subscribe.ru/group/russkij-mir-i-russkie-v-mire/15900063/?utm_campaign=subscribe-group-grp&utm_source=subscribe-groups&utm_medium=email

Не надо гадать, не проводил Сталин встречи «в каком-нибудь» другом месте. И уехал он на дачу, чтобы «впасть в прострацию», как раз после встречи с Жуковым.

Как отмечает К. В. Плешаков, «его [Сталина] рабочие часы были поразительно коротки и сдвинуты во времени» (Ошибка Сталина. Первые 10 дней войны. / пер. с англ. А. К. Ефремова. - М.: Эксмо, 2006. - С. 27). Получив 29 июня первые и ещё смутные сведения о произошедшем накануне падении Минска, он посетил наркомат обороны (по мемуарам Жукова - дважды), где имел «тяжёлую сцену» с Г. Жуковым.

После этого Сталин уехал на «ближнюю дачу» и заперся там, никого не принимая и не отвечая на телефонные звонки. За 29-30 июня записи о посещениях отсутствуют и возобновляются 1 июля 1941 г». В таком состоянии он находился до вечера следующего дня, когда (около 17 часов) к нему явилась делегация (Молотов, Берия, Маленков, Ворошилов, Микоян и Вознесенский), просившая его вернуться к власти и возглавить новый чрезвычайный орган управления. После этого был создан ГКО и распределены обязанности между членами ПБ.

«29 июня вечером у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, Микоян и Берия. Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко, но тот ничего путного о положении на Западном направлении сказать не смог. Сталин предложил всем поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться с обстановкой. В Наркомате Сталин держался спокойно, спрашивал, где командование Белорусским военным округом, какая имеется связь. Жуков докладывал, что связь потеряна и за весь день восстановить её не могли. Затем Сталин спрашивал о том, почему допустили прорыв немцев, какие меры приняты к налаживанию связи и так далее. Жуков ответил, какие меры приняты, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для установления связи, никто не знает. Около получаса говорили довольно спокойно, но вскоре Сталин взорвался: что за Генеральный штаб, что за начальник Штаба, который так растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует, раз нет связи, Штаб бессилён руководить (хотя Микоян об этом не упоминает, но стоит учесть, что в первые дни войны у руководства СССР теплились надежды на её быстрое окончание; сведения Жукова перечеркивали эти планы). Такой окрик Сталина был для Жукова оскорбительным, и он выбежал в другую комнату (по словам Микояна, он «буквально разрыдался»). Молотов пошёл за ним. Все присутствовавшие были в удручённом состоянии. Минут через 5-10 Молотов привел внешне спокойного Жукова. Сталин предложил, чтобы на связь с Белорусским военным округом пошёл Кулик, а затем пошлёт других людей. Такое задание было дано позднее Ворошилову. Сталин был настолько удручен, что, когда вышли из наркомата, сказал: **«Ленин оставил нам великое наследие, мы — его наследники — всё это просрали...»**. Все были поражены этим высказыванием Сталина и посчитали, что это он сказал в состоянии аффекта».

(Микоян Анастас, Мемуары. Так было. Журнал «Политическое образование». 1988, № 9, с. 74-76)

Согласно мемуарным свидетельствам Анастаса Микояна, Сталин в первые дни войны находился в подавленном состоянии, что выразилось, в частности, в его отказе (несмотря на уговоры окружения) выступить с речью к народу в момент начала войны.

Адвокат Сталина, Вячеслав Молотов: «Почему я, а не Сталин? Он не хотел выступать первым, нужно, чтобы была более ясная картина, какой тон и какой подход. Он, как автомат, сразу не мог на всё ответить, это невозможно. Человек ведь. Но не только человек — это не совсем точно. Он и человек, и политик. Как политик, он должен был и выждать, и кое-что посмотреть, ведь у него манера выступлений была очень чёткая, а сразу сориентироваться, дать чёткий ответ в то время было невозможно. Он сказал, что подождёт несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах».

Если перевести слова Молотова на русский, они звучат так: «Сталин не хотел выставить себя дураком».

Оба лгут. Сталин не хотел подставлять себя, чтобы злость за тот факт, что нападение Германии прозевали, сорвали не на нем, а на ком другом.

К народу вождь обратился только через почти полмесяца, 3 июля.

Кургинян любит приводить пример, как быстро немцам сдалась Франция.

За первые 20 дней войны немцы заняли территорию СССР площадью порядка 450 тыс. кв. км. Для сравнения: территория Франции, которая сопротивлялась 40 дней, составляет примерно 547 тыс. кв. км.

В первые недели немцы шли по СССР со скоростью около 30 км/день, по Франции – 16 км/день. За первые 40 дней немцы заняли территорию СССР в 700 тыс. кв. км.